

УДК 9(430)

«СПОР ГОЛЬДХАГЕНА»: РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ВИНЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ФРГ В 1990-Е ГОДЫ

Е. Л. Кауганов

Институт этнологии и антропологии РАН, 119991, г. Москва, Ленинский пр., 32а
rammstedt@gmail.com

Анализируются дебаты о книге Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера», являющиеся одними из ключевых дискуссий о немецком историческом самосознании в 1990-е гг. Рассматривается концепция элиминаторного антисемитизма Гольдхагена, изучается рецепция книги в СМИ и в среде историков. Если историки отнеслись к книге критически, то основная масса читателей восприняла ее позитивно. Данный феномен объясняется тем, что Гольдхаген дал возможность четкого и строгого размежевания тоталитарного прошлого и демократического настоящего Германии.

Ключевые слова: ФРГ, нацизм, культура памяти, национальная идентичность, Гольдхаген.

Для общественного дискурса Германии в 1990-е гг. было характерно сосредоточение внимания на теме нацистского прошлого, дискуссии о котором стали неотъемлемой частью культурной и интеллектуальной жизни ФРГ начиная с 1980-х гг. в первую очередь благодаря «спору историков» – между «ревизионистско-апологетическим» лагерем Эрнста Нольте и «критической» группой во главе с Юргеном Хабермасом. В 1996 г. параллельно с горячими дебатами о резонансной выставке «Преступления Вермахта» в Германии разгорелась другая, не менее масштабная дискуссия о нацистском прошлом страны и отношении к нему современных немцев.

Новый спор спровоцировало появление книги профессора Гарвардского университета Дэниела Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера». Он задался целью дать ответ на фундаментальные вопросы: как стал возможен холокост и что явилось причиной бесчеловечных преступлений немцев в отношении евреев.

Исходный тезис Гольдхагена заключался в том, что холокост был не только делом рук нацистских вождей, для его осуществления требовалась широкая сеть пособников и исполнителей. Отталкиваясь от этого положения, Гольдхаген ставил вопрос о мотивах, заставивших людей пойти на совершение преступлений. Конвенциональные историографические объяснения холокоста – такие как подчинение приказам, авторитету начальства, групповая порука – Гольдхаген расценивал как неудовлетворительные [Goldhagen, 1996a, S. 13]. Главной предпосылкой и мотивом холокоста, согласно Гольдхагену, послужила готовность большинства обычных немцев в 1930-е гг. терпимо относиться к преследованию евреев, поддерживать его и участвовать в нем, что являлось не чем иным, как проявлением элиминаторного антисемитизма (eliminationist antisemitism) [Ibid., S. 375]. Гольдхаген утверждал, что немецкий антисемитизм уходит корнями в глубь истории, а возможность истребления всего еврейского народа обсуждалась в Германии уже в XIX в. [Ibid., S. 419]. Однако концентрированные, координированные и планомерные действия против евреев в вильгельмовской Германии были все еще невозможны: «...еще отсутствовали возможности для трансформации антисемитизма в программу физического нападения, и государственный строй не позволял антисемитизму стать базисом коллективного, общественного действия» [Ibid., S. 72]. Лишь с приходом к власти нацистов были созданы условия для геноцида.

Первые шаги в реализации антиеврейской программы – систематическое исключение евреев из немецкой общественной и экономической жизни – были поддержаны большей частью немецкого общества. Представители всех его слоев и групп: католики и протестанты, юристы, врачи, учителя принимали участие в сегрегации евреев. При этом лишение евреев гражданских прав, бесчинства, депортации в концлагеря не вызвали мало-мальски значимого сопротивления со стороны немцев. Более того, сегрегация и последующее уничтожение евреев нашли поддержку даже среди убежденных противников нацизма, поскольку они тоже разделяли антисемитские воззрения. «Удивительный феномен, состоявший в том, что самое большое преступление нацистского режима ни

разу не вызвало возмущение тех, кто в остальном всегда ему противостоял, можно понять, исходя из <...> вездесущности антисемитизма в Германии <...>. Если позитивные или, по меньшей мере, нейтральные мнения о евреях нельзя было услышать от таких моральных инстанций, как христианские церкви и заклятые враги Гитлера, то где их в таком случае было искать? Культурно-когнитивная модель, сформированная в отношении евреев, определяла и восприятие нацистов, и их противников» [Ibid., S. 116]. Немецкий народ полностью принял нацистский образ евреев, огромное количество обычных немцев стали «добровольными исполнителями» Гитлера. Нацистское движение завоевало политическую власть над обществом, которое было легко мобилизовать для уничтожения евреев [Ibid., S. 23].

Свои тезисы Гольдхаген стремился подкрепить детальным описанием конкретных ситуаций. Главным объектом своего анализа он сделал расстрельный полицейский батальон 101, причастный к убийству около 40 тыс. евреев во время Второй мировой войны. В других частях книги Гольдхаген исследовал поведенческую стратегию преступников в концлагерях и в ходе так называемых «маршей смерти» 1944–1945 гг. Основываясь на судебных актах послевоенных разбирательств, касающихся членов батальона 101, он показал, что эти люди совершали свои действия не под давлением начальства, а добровольно, и не с чувством стыда, а с гордостью и убежденностью в правильности совершаемого [Ibid., S. 225]. Гольдхаген считал, что в противоположность формуле Ханны Арендт о «банальности зла» холокост не был для преступников безэмоциональным процессом [Ibid., S. 481]. Из изученных Гольдхагеном данных следовало, что члены батальона имели возможность не принимать участия в расстрелах. Перед первой карательной акцией им было предложено отказаться от этого, однако лишь 10–12 человек из 500 воспользовались данной возможностью [Ibid., S. 213]. Для Гольдхагена принципиально важен тот факт, что речь шла не об убежденных нацистах и членах партии – таковые, по его данным, составляли примерно треть батальона [Ibid., S. 207]. Большая их часть была среднестатистическими немецкими гражданами, добровольно поступившими на службу в полицию, так как не смогли попасть на фронт по возрастным ограничениям. Таким образом, речь шла о «совершенно обычных», «нормальных» немцах. Поведение членов батальона демонстрировало, насколько сильны были антисемитские убеждения, продолжительное время господствовавшие в Германии, и насколько тонка была грань, отделявшая негативное отношение к евреям от бесчеловечных преступлений против них. Без сотен тысяч немцев, принявших участие в геноциде либо так или иначе его поддерживавших, уничтожение евреев, по словам Гольдхагена, не было бы столь планомерным и систематическим. «Не экономические трудности, не система принуждения тоталитарного государства, не социально-психологическое давление <...>, а представления о евреях, господствовавшие в Германии десятилетиями, заставили совершенно обычных немцев систематически и беспощадно убивать тысячи невооруженных, беззащитных еврейских мужчин, женщин и детей» [Ibid., S. 9].

Книга Гольдхагена сразу же вызвала большой резонанс в немецких и мировых СМИ. Еще до появления немецкого перевода немецкие журналисты начали дискуссию о книге Гольдхагена и актуализированном им тезисе о коллективной вине. По замечанию редактора газеты «Цайт» Ф. Ульриха, «дебаты Гольдхагена» в определенном смысле стали продолжением «спора историков» 1986–1987 гг. [Mank, 2011, S. 150]. Мнения относительно книги в немецком обществе разделились. В то время как профессиональные историки оценивали книгу сдержанно, подавляющее большинство рядовых читателей восприняли книгу с энтузиазмом: первое немецкое издание книги, появившееся 7 августа 1996 г. тиражом в 80 тыс. экземпляров, было распродано за один месяц, и в начале октября 1996 г. были дополнительно напечатаны еще 100 тыс. экземпляров. В общей сложности до начала 1999 г. было продано 300 тыс. экземпляров книги, что было экстраординарным успехом для исторической монографии.

Как уже было сказано, первоначальная реакция немецких историков и журналистов была преимущественно сдержанной, амбивалентной и скептической. Немецкие критики упрекнули Гольдхагена в грубом упрощении: он абсолютизирует коллективную вину немцев и демонизирует немецкую нацию. Многие историки и публицисты усомнились в методологических принципах исследования Гольдхагена. Частым был упрек в намеренном желании привлечь к себе внимание СМИ. Историк Н. Фрай отмечал, что книга Гольдхагена «не содержит каких-либо действительно новых научных результатов» и написана «в крайне детерминистском ключе» [Frei, 1996, S. 13]. Вместе с тем он вынужден был констатировать, что немецкая историография холокоста действи-

тельно уделяла крайне мало внимания и игнорировала факт чрезвычайно высокой степени идентификации немцев с Гитлером и нацистским режимом. Вслед за Фрайем амбивалентно высказались о книге такие историки, как Э. Йеккель, У. Херберт, Г.-У. Велер.

Тринадцатого апреля 1996 г. в газете «Тагесцайтунг» журналистка М. Нируманд упрекнула Гольдхагена в предвзятости исторической интерпретации ввиду его еврейского происхождения [Niroumand, 1996, S. 10]. Как и Фрай, Нируманд советовала воздержаться от общественной дискуссии о книге. Двумя днями позже о книге Гольдхагена высказал свое мнение редактор «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Ф. Ширрмахер. Он подверг Гольдхагена критике за то, что тот пытается возродить тезис о коллективной вине и представление об антисемитском менталитете немцев: «В целом тезис о коллективной вине немцев является ядром этой книги, примечательно лишь то, что Гольдхаген его исторически и социологически радикализирует» [Schirmacher, 1996, S. 31].

Позитивную оценку работа получила у историка и политолога, профессора Потсдамского университета Ю.Х. Шепса. Высказывая свое мнение 26 апреля 1996 г. в газете «Цайт», Шепс в отличие от критиков Гольдхагена подчеркнул необходимость общественной дискуссии о книге. Ученый критически отнесся к возмущению многих немецких интеллектуалов работой американского историка. Шепс писал, что и до Гольдхагена публиковались работы, в которых рассматривалось влияние традиционного антисемитизма на холокост, например исследования А. Байна, Г. Бердинга, В. Йохмана, В. Бенца, Л. Полякова. По его мнению, негативная реакция немецкой публики вызвана непривычно радикальными, провокационными формулировками и вопросами Гольдхагена [Schoeps, 1996].

Тридцатого апреля 1996 г. в газете «Франкфуртер рундшау» журналистка Г. Кох одобриительно высказалась о книге Гольдхагена, согласившись с тезисом историка о значимости антисемитизма немцев для осуществления холокоста. По словам Кох, в послевоенной Германии данная тема сознательно замалчивалась. По мнению журналистки, элиминаторный антисемитизм немцев был необходимым, однако недостаточным условием холокоста, на чем настаивал Гольдхаген. На протяжении всей эпохи нацизма немцам была доступна возможность индивидуального выбора [Koch, 1996, S. 20].

В свою очередь журналист Й. Нольте в статье в газете «Вельт» 16 апреля 1996 г. попытался представить немцев в роли жертвы «культы вины». Нольте сравнил своих соотечественников с мифическим Сизифом и заявил, что Освенцим становится у Гольдхагена «первородным грехом» немцев: «Спустя более полувека после смерти Гитлера и после поворота 1989–1990 гг. <...> казалось, что история освободила немцев от судьбы Сизифа. Гольдхаген приложил все усилия, чтобы вновь подвергнуть их проклятию» [Nolte, 1996, S. 14].

Восьмого мая 1996 г. Д. Гольдхаген отреагировал на дебаты в Германии открытым письмом к немецким книготорговцам, в котором попытался устранить недоразумения по поводу своей книги. Он заявил, что не отстаивает идею о неизменном антисемитском менталитете немцев, тезис о немецкой коллективной вине, о неизбежности холокоста в Третьем рейхе и об антисемитизме как единственной его причине [Kött, 1999, S. 136]. Стоит сказать, что в предисловии к немецкому изданию своей работы Гольдхаген также указывал, что категорически отвергает тезис о коллективной вине немцев и лишь утверждает, что «число совершивших преступные деяния немцев было огромным» [Goldhagen, 1996b, S. 11–12].

В своем обзоре книги Гольдхагена в газете «Цайт» 25 мая 1996 г. историк Г.-У. Велер констатировал наличие «защитного консенсуса» в немецкой прессе по отношению к работе американского ученого, при том что работа действительно содержит в себе импульс новизны [Wehler, 1996, S. 40]. Книга Гольдхагена является стимулом к новому осмыслению чрезвычайно острых и до сих пор неразрешенных проблем прошлого, что, по мнению Велера, следует расценивать как позитивный аспект книги [Ibid.]. Положительно оценил он и вклад Гольдхагена в изучение социальной психологии преступников на примере полицейских батальонов, концлагерей и «маршей смерти», а также в исследование «повседневного» антисемитизма в Третьем рейхе. «Не прав ли Гольдхаген, что подобная жесткость, ставшая массовым феноменом среди представителей когда-то цивилизованного народа, до сих нуждается в объяснении?» – риторически вопрошал Велер [Ibid.]. Критически отнесся немецкий историк к методологии исследования Гольдхагена, увидев в ней «редукционизм» и стремление к «монокаузальному объяснению».

Позитивно оценила работу Гольдхагена журналистка И. Гильхер-Хольтей 7 июня 1996 г. в

газете «Цайт». По ее словам, Гольдхаген пытается объяснить не политические процессы, приведшие к холокосту, а менталитет непосредственных участников и исполнителей геноцида. В этом заключается его новаторский подход, а его тезисы заставляют обратиться к недостаточно изученным аспектам холокоста – прежде всего к ментальному: Гольдхаген, как и другие исследователи менталитета, пытается вычлениить схемы коллективного мышления и восприятия из поведения индивидуумов и групп [Gilcher-Holtey, 1996, S. 12]. В свою очередь историк У. Херберт усомнился в тезисе Гольдхагена о холокосте как «национальном проекте» немцев, однако отметил, что тот правильно поставил вопрос о «масштабе распространения юдофобии среди немецкого населения и значении антисемитизма для старта и осуществления многомиллионного убийства» [Herbert, 1996, S. 6].

В июле – августе 1996 г. дебаты в федеральной немецкой прессе о книге Гольдхагена продолжались в таких изданиях, как «Зюддойче цайтунг», «Франкфуртер рундшау», «Франкфуртер альгемайне цайтунг». В статье в «Зюддойче цайтунг» 20 июля 1996 г. Г. Моммзен отверг тезис Гольдхагена о специфическом немецком антисемитизме как единственном мотиве холокоста и назвал подход Гольдхагена «намеренно провокационным» [Mommssen, 1996, S. 19]. Однако в отличие от других критиков Гольдхагена Моммзен был склонен видеть в дебатах определенный смысл, а именно возможность дискуссии о моральной ответственности немцев, живших при нацистской диктатуре. Он отмечал, что большей части немецкого населения не было непосредственно известно о масштабах уничтожения евреев, хотя информации и определенных сведений было достаточно, чтобы составить приблизительную картину о нем [Ibid.]. Без широко распространенной индифферентности и нежелания попасть под общественное осуждение, утверждал Моммзен, масштабы преступлений были бы меньше: «Незнание об убийстве не освобождает от коллективной ответственности за допущение общественного беззакония, которое было предпосылкой убийства» [Ibid.].

Свое мнение о книге Гольдхагена высказали также Я. Ф. Реемтсма и Х. Хеер, авторы и организаторы резонансной передвижной выставки «Преступления Вермахта». В «Зюддойче цайтунг» 24 июля 1996 г. Реемтсма писал, что, несмотря на свой провокационный характер, книга Гольдхагена «необходима, так как она способствует дискуссии о немецком антисемитизме и его влиянии на поведение населения во время нацистской диктатуры» [Reemtsma, 1996, S. 43]. Х. Хеер согласился с тезисом Гольдхагена о том, что между нацистским режимом и тогдашним немецким населением существовал консенсус. Ошибка Гольдхагена, по его мнению, состоит в недостаточном внимании к другим факторам, повлиявшим на сознание немцев, к примеру, к пропаганде идеи о «судьбоносной борьбе немецкого народа», а также к эмоциональному ожесточению из-за перманентного насилия, сопровождавшего войну [Heer, 1996, S. 15].

Несмотря на амбивалентную оценку немецких историков и публицистов, книга Гольдхагена в Германии стала бестселлером [Kracht, 2005, S. 157]. После немецкого издания книги Гольдхаген прочитал в Германии серию лекций, которые широко освещались СМИ и привлекли внимание значительного числа немцев. О лекциях Гольдхагена в крупных городах Германии писал журналист К. Землер 7 сентября 1996 г. в «Тагесцайтунг». Он сообщал, что широкая немецкая публика в отличие от профессиональных историков восприняла работу Гольдхагена положительно [Semler, 1996, S. 16]. В свою очередь журналист Й. Йоффе 11 сентября 1996 г. в «Зюддойче цайтунг» отмечал, что во время дискуссий Гольдхаген находил контакт со своими слушателями и критических реакций и выступлений на лекциях практически не наблюдалось [Joffe, 1996a, S. 4].

В целом дебаты о книге Гольдхагена в немецких СМИ завершились к концу октября 1996 г., не вызвав впоследствии громких протестов или критических откликов. Если определять характер и тон этих дебатов, то следует сказать, что у подавляющего большинства критиков имело место постепенное смещение от негативной оценки в сторону более дифференцированного и взвешенного анализа. В 1997 г. историк, профессор Института Фридриха Мейнеке в Берлине В. Випперман попытался дать оценку дебатам о книге Гольдхагена: «несмотря на методологические недостатки, работа Гольдхагена достойна позитивной оценки» [Wippermann, 1997, S. 116]. «“Спор Гольдхагена”, начавшийся ровно через десять лет после “спора историков” <...> показывает, что борьба за культурную гегемонию современности через проработку прошлого продолжается <...>. Гольдхаген написал важную книгу в правильное время» [Ibid.]. По мнению Виппермана, книга «Добровольные исполнители Гитлера» достойна высокой оценки, во-первых, потому, что в ней удалось опровергнуть тривиализирующие сравнения Третьего рейха с другими режимами, в частности, с «тотали-

тарной» ГДР. Во-вторых, в своем анализе Гольдхаген не прибегнул к нарративу о «трагическом срединном положении Германии». В-третьих, он не оставил никаких сомнений в том, что Германия несет исключительную ответственность за развязывание глобального конфликта, который обернулся беспрецедентной «расовой войной на уничтожение». В-четвертых, Гольдхаген нанес удар по попыткам «новых правых» релятивизировать преступления Третьего рейха ссылками на его якобы «положительные стороны» [Ibid., S. 115].

Стоит сказать, что определенная «ненаучность» метода и стиля Гольдхагена некоторыми расценивалась и до сих пор расценивается не как слабость, а, напротив, как преимущество его книги. К примеру, историк Г. Шайт пишет, что «именно то, за что Гольдхагена почти единодушно и особенно остро критикуют, является его самой лучшей стороной: попытка монокаузального объяснения, спекулятивный стиль вопросов, который действительно находится на грани научности – там, где возможно только познание без рационализации» [Scheit, 2000, S. 140].

Колоссальный читательский интерес к книге способствовал актуализации интереса к нацистскому прошлому далеко за пределами сообщества профессиональных историков. Пытаясь объяснить позитивную рецепцию книги Гольдхагена широкими слоями немецкого общества, исследователь немецкой культуры памяти А. Ассманн отмечает, что данный эффект был обусловлен не в последнюю очередь тем, что немецкая аудитория Гольдхагена, состоящая в основном из поколения детей и внуков социализировавшихся при нацизме немцев, получила своеобразное коллективное оправдание: элиминаторный антисемитизм действительно был глубоко укоренен в немецкой культуре, но после 1945 г. он был радикально преодолен. Немецкий народ бесповоротно дистанцировался от антисемитизма и обратился к идеям гуманизма и демократии. Таким образом, по оценке А. Ассманн, книга Гольдхагена в определенном смысле создавала эффект «катарсиса» [Assmann, 1997, S. 289].

Наряду с популяризаторской книга представляла научный интерес, послужив стимулом к изучению незатронутых аспектов Третьего рейха, в частности, немецкого и, шире, европейского антисемитского менталитета. Книга Гольдхагена, как и спор о выставке «Преступления Вермахта» 1995–1999 гг., заставляла посмотреть на преступления нацизма не отстраненно, а под личным углом зрения, переместить перспективу с безличных, анонимных структур нацистского государства на индивидуальную биографию и экзистенциальные решения «обычных», среднестатистических немецких граждан, ставших преступниками. Отмечая данный аспект, Й. Йоффе писал: «Книга должна стать обязательной для чтения. К примеру, кому известно, что такие легендарные антинацистские теологи как пастор Нимёллер или Карл Барт произносили антисемитские проповеди? <...> После этой спорной не только в Германии книги будет не так легко дистанцироваться от беспрецедентных преступлений “во имя Германии” и сохранить грань между нацистами и “обычными немцами”» [Joffe, 1996b, S. 162]. Крупный американский политолог А. Марковиц также указывал на научную важность работы Гольдхагена: «Книга Гольдхагена нова в своем богатстве интерпретаций и материала, в прямоте своей речи. Прежде всего она закрывает досадный пробел в немецкой историографии, которая знает довольно много о “преступниках письменного стола”, но пугающе мало – об исполнителях холокоста» [Markovits, 1996, S. 667]. Работа Гольдхагена, по выражению Ф. Ульриха, действительно изменила взгляд историков на эпоху нацизма, так как вопрос об участии «обычных немцев» в холокосте был поставлен в ней так остро, как ни в одной другой [Ullrich, 1996, S. 45]. А с точки зрения историка А. Гайзеля, в своем исследовании Гольдхаген сумел доказать, что «массовые преступления нацизма были не только преступлением по отношению к массам, но и преступлениями масс» [Geisel, 1998, S. 137]. Принимая во внимание приведенные суждения, следует согласиться с резюме Н. Фрая: главное достоинство книги Гольдхагена заключалось прежде всего в том, что она способствовала символическому признанию исторической ответственности немцев спустя пятьдесят лет после конца нацистского режима [Frei, 2003, S. 146].

На наш взгляд, книга Гольдхагена и дебаты вокруг нее маркируют одну из наиболее значимых вех критической рефлексии относительно нацистского прошлого в объединенной Германии. «Спор Гольдхагена», несомненно, способствовал актуализации памяти о нацизме в качестве базового нарратива немецкой национальной идентичности и центрального «негативного масштаба» немецкой политической культуры [Benner, 1997, S. 63]. В этой связи достойна внимания точка зрения самого автора резонансного исследования. В марте 1997 г. за вклад в изучение холокоста Д. Гольдхаген был удостоен «Приза демократии», просуждаемого «Журналом немецкой и междуна-

родной политики», издаваемым в Бонне. В своей речи по этому случаю он отметил успехи немцев в критической проработке собственного прошлого и выработке ненационалистического национального самосознания, ответственного перед международным сообществом [Кёниг, 2012, с. 102–103]. Гольдхаген назвал ФРГ позитивной моделью и образцом, которому другие государства должны подражать: «Я не знаю другой страны, столь открытой и последовательной в обращении с бесславными и страшными страницами собственного прошлого» [Там же].

Библиографический список

- Kёниг X.* Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012.
- Assheuer T.* Wann begann der Sonderweg? // *Frankfurter Rundschau*. 1996. 08. August.
- Assmann A., Frevert U.* Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart, 1999.
- Benner T., Köster C. R.* Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik // *Sozialwissenschaftliche Informationen* 26 (1). Seezle-Velber, 1997.
- Frei N.* Ein Volk von «Endlösern»? // *Süddeutsche Zeitung*, 1996. 13. April.
- Frei N.* Goldhagen, die Deutschen und die Historiker. Über die Repräsentation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung // *Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945* / Hrsg. von M. Sabrow, R. Jessen, K.G. Kracht. München, 2003.
- Geisel E.* Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer. Die Nationalisierung der Erinnerung. Berlin, 1998.
- Gilcher-Holtey I.* Die Mentalität der Täter // *Die Zeit*. 1996. 07. Juni.
- Goldhagen D.* Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York, 1996a.
- Goldhagen D.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996b.
- Kött M.* Goldhagen in der Qualitätspresse. Eine Debatte über «Kollektivschuld» und «Nationalcharakter» der Deutschen. Konstanz, 1999.
- Heer H.* Die große Tautologie // *Die Tageszeitung*. 1996. 04. September.
- Herbert U.* Aus der Mitte der Gesellschaft // *Die Zeit*. 1996. 14. Juni.
- Joffe J.* «Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer» // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Hrsg. von J. H. Schoeps. Hamburg, 1996a.
- Joffe J.* Das Goldhagen-Phänomen // *Süddeutsche Zeitung*. 1996b. 11. September.
- Koch G.* Eine Welt aus Willen und Vorstellung // *Frankfurter Rundschau*. 1996. 30. April.
- Kracht K.G.* Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen, 2005.
- Mank U.* Zwischen Trauma und Rechtfertigung. Wie sich ehemalige Soldaten an den Krieg erinnern. Frankfurt-am-Main, 2011.
- Markovits A.S.* Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Hrsg. von J. H. Schoeps. Hamburg, 1996.
- Meyer F.* Ein Volk von Dämonen? // *Der Spiegel*. 1996. 20. Juni.
- Mommsen H.* Die Schuld der Gleichgültigen // *Süddeutsche Zeitung*. 1996. 20. Juli.
- Niroumand M.* Little Historians // *Die Tageszeitung*. 1996. 13. April.
- Nolte J.* Sisyphos ist Deutscher // *Die Welt*. 1996. 16. April.
- Reemtsma J. P.* Die Mörder waren unter uns // *Süddeutsche Zeitung*. 1996. 24. August.
- Scheit G.* Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // *Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil bei der Bewältigung der Vergangenheit* / Hrsg. von W. Schneider. Hamburg, 2000.
- Schirmacher F.* Hitlers Code // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1996. 15. April.
- Schoeps J. H.* Vom Rufmord zum Massenmord // *Die Zeit*. 1996. 26. April.
- Semler C.* Provokateur auf Tour // *Die Tageszeitung*. 1996. 07. September.
- Ullrich V.* Vertraute Töne // *Die Zeit*. 1996. 14. Juni.
- Wehler H.-U.* Wie ein Stachel im Fleisch // *Die Zeit*. 1996. 25. Mail.
- Wippermann W.* Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. Berlin, 1997.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.08.2012

«THE GOLDHAGEN DEBATE»: RE-ACTUALIZATION OF THE GUILT PROBLEM IN THE CONTEXT OF GERMAN NATIONAL IDENTITY IN THE 1990s

E. L. Kauganov

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Leninsky ave., 32a, 119991, Moscow, Russia
rammstedt@gmail.com

The author analyzes the debates on Daniel Goldhagen's book "Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust", which, along with the controversy about the exhibition "The Crimes of the Wehrmacht", became one of the most essential discussions concerning German historical and national identity in the 1990s. The author considers the theoretical and methodological frameworks of Goldhagen's study, analyses his conception of "eliminationist anti-Semitism", exposes the reception of the book in the media and by the community of professional historians, reconstructs the development of the debates, characterizes the main positions of its participants and the reactions of broader social strata in Germany. The relevance of the study of "The Goldhagen debate" is determined by traditionally high significance of social discussions about the Nazi past in Germany for national identity. The author concludes that Goldhagen's work and debates on it had an essential influence on the change of methodological and theoretical approaches to the study of the World War II and Holocaust history. It also became a significant milestone of the German "coming to terms with the past" and the consolidation of culture of remembrance of Nazism. At the same time, while the initial reaction of the majority of professional historians to the book was a critical one, the majority of German readers, in turn, perceived the book positively. As a possible explanation of the phenomenon, author states that Goldhagen succeeded in drawing a clear distinction between the totalitarian Nazi past and the democratic present of Germany.

Key words: Germany, Nazism, culture of remembrance, national identity, Goldhagen.

References

- Kenig Kh.* Budushchee proshlogo: Natsional-sotsializm v politicheskom soznanii FRG. Moskva, 2012.
- Assheuer T.* Wann begann der Sonderweg? *Frankfurter Rundschau.* 1996. 08 August.
- Assmann A., Frevert U.* Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart, 1999.
- Benner T., Köster C. R.* Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik. *Sozialwissenschaftliche Informationen* 26 (1). Seezle-Velber, 1997.
- Frei N.* Ein Volk von «Endlösern»? *Süddeutsche Zeitung*, 1996. 13. April.
- Frei N.* Goldhagen, die Deutschen und die Historiker. Über die Repräsentation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung. *Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945* / Hrsg. von M. Sabrow, R. Jessen, K.G. Kracht. München, 2003.
- Geisel E.* Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer. Die Nationalisierung der Erinnerung. Berlin, 1998.
- Gilcher-Holtey I.* Die Mentalität der Täter. *Die Zeit*, 1996. 07. Juni.
- Goldhagen D.* Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York, 1996a.
- Goldhagen D.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996b.
- Kenig Kh.* Budushchee proshlogo: Natsional-sotsializm v politicheskom soznanii FRG. Moskva, 2012.
- Kött M.* Goldhagen in der Qualitätspresse. Eine Debatte über «Kollektivschuld» und «Nationalcharakter» der Deutschen. Konstanz, 1999.
- Heer H.* Die große Tautologie. *Die Tageszeitung.* 1996. 04. September.
- Herbert U.* Aus der Mitte der Gesellschaft. *Die Zeit.* 1996. 14. Juni.
- Joffe J.* «Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer». *Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust* / Hrsg. von J. H. Schoeps. Hamburg, 1996a.
- Joffe J.* Das Goldhagen-Phänomen. *Süddeutsche Zeitung.* 1996b. 11. September.
- Koch G.* Eine Welt aus Willen und Vorstellung. *Frankfurter Rundschau.* 1996. 30. April.
- Kracht K.G.* Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen, 2005.
- Mank U.* Zwischen Trauma und Rechtfertigung. Wie sich ehemalige Soldaten an den Krieg erinnern. Frankfurt-am-Main, 2011.
- Markovits A.S.* Störfall im Endlager der Geschichte. *Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust* / Hrsg. von J. H. Schoeps. Hamburg, 1996.

- Meyer F. Ein Volk von Dämonen? *Der Spiegel*. 1996. 20. Juni.
- Mommsen H. Die Schuld der Gleichgültigen. *Süddeutsche Zeitung*. 1996. 20. Juli.
- Niroumand M. Little Historians. *Die Tageszeitung*. 1996. 13. April.
- Nolte J. Sisyphos ist Deutscher. *Die Welt*. 1996. 16. April.
- Reemtsma J. P. Die Mörder waren unter uns. *Süddeutsche Zeitung*. 1996. 24. August.
- Scheit G. Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers. *Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil bei der Bewältigung der Vergangenheit* / Hrsg. von W. Schneider. Hamburg, 2000.
- Schirmacher F. Hitlers Code. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1996. 15. April.
- Schoeps J. H. Vom Rufmord zum Massenmord. *Die Zeit*. 1996. 26. April.
- Semler C. Provokateur auf Tour. *Die Tageszeitung*. 1996. 07. September.
- Ullrich V. Vertraute Töne. *Die Zeit*. 1996. 14. Juni.
- Wehler H.-U. Wie ein Stachel im Fleisch. *Die Zeit*. 1996. 25. Mail.
- Wippermann W. Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. Berlin, 1997.